

005018190

На правах рукописи

БЕЛЯВСКИЙ Юрий Александрович

**ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННОМ
РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ (СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ)**

**Специальность: 22.00.04 — социальная структура, социальные
институты и процессы (по социологическим наукам)**

**Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата социологических наук**

19 АПР 2012

Москва

2012

Рос. - 2

30

Диссертация выполнена на кафедре социологии управления
Федерального государственного бюджетного образовательного
учреждения высшего профессионального образования «Российская
академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте
Российской Федерации»

Научный руководитель: Жовтун Дмитрий Тимофеевич
доктор философских наук, профессор

Официальные оппоненты: Гончаров Петр Константинович
доктор социологических наук, профессор
Кикичев Ильяс Ренатович
кандидат социологических наук

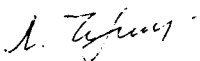
Ведущая организация: ФГБОУ ВПО «Российский государственный
гуманитарный университет»

Защита состоится «26» апреля 2012 г. в 14 часов на заседании
диссертационного совета Д-504.001.16 в Федеральном государственном
бюджетном образовательном учреждении высшего профессионального
образования «Российская академия народного хозяйства и
государственной службы при Президенте Российской Федерации» по
адресу: 119606, г. Москва, проспект Вернадского, 84, 2-й учебный корпус,
аудитория _____.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке РАНХиГС.
Объявление о защите и автореферат опубликованы «26» марта
2012 г. на официальном сайте РАНХиГС в разделе «Защита диссертаций»
– www.anp.ru и официальном сайте ВАК Минобрнауки России –
referat_vak@mon.gov.ru.

Автореферат разослан «26» марта 2012 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Л. Д. Чернышова

I. ОБЩЕЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Компьютерные информационно-коммуникационные технологии, высвободив человеческую коммуникацию из-под официальных «разрешительных» регламентов, нарушили сложившийся в системе «управляемой демократии» баланс интересов гражданского общества и власти в пользу гражданского общества. На этой основе возникла иллюзия, что время официальной идеологии и, вообще, идеологических систем закончилось — что теперь демократия не может быть «управляемой» (со стороны официальной идеологии). А власть, соответственно, должна вписаться в эту «новую демократию», отказавшись от идеологического обмена (диалога) с обществом. В частности, артикулируются «модные» идеи — например, о политических партиях без идеологии, которые бы не занимались структурированием общества по идеологическим интересам его больших групп, но выражали неидеологические интересы пенсионеров, домохозяек, военных, а то и просто «хороших людей» и т.д. Однако, как показывает реальная практика, обязанный компьютерным информационно-коммуникационным технологиям проект «новой демократии» потребовал не отказа политической системы от идеологии, но нового — идеологического диалога между гражданским обществом и властью.

Обозначенный процесс достаточно рельефно проявляется в постсоветской России, в которой выстроена политическая система, демонстративно лишенная всякой идеологии. Ядром российской политической системы выступает то, что заслуживает названия

«официальной многопартийной системы» (ОМПС) и призвано быть инструментом контроля не общества над властью, но, напротив, власти над обществом. Партии, входящие в ОМПС – «Единая Россия», «Справедливая Россия», ЛДПР и КПРФ, – это партии контроля власти над обществом, и иных функций (стандартных для политических партий функций структурирования общества по идеологическим интересам его больших групп и посредничества между обществом и властью) они не выполняют. При этом до последнего времени российская политическая система пыталась контролировать общество не на основе идеологического обмена (диалога) с обществом, а чисто административно, жестко пресекая появление на политической сцене любых партий от общества. Исходя из этого, следует, что в России создана неидеологическая, чисто административная политическая система «управляемой демократии», и поэтому – тупиковая для страны, не отвечающая вызовам связанной с компьютерными информационно-коммуникационными технологиями «новой демократии».

Таким образом, актуальность темы определяется реальным противоречием между растущей идеологизацией массового сознания и политических отношений в современном российском обществе и недостаточным участием институтов политической системы в регулировании политических процессов.

Степень научной разработанности темы исследования.

В области теоретической социологии эта тема в ее ключевых понятиях: «идеология», «политические партии», «гражданское общество» разрабатывается такими зарубежными и российскими социологами, как З.Бабер, В.Д.Бакулов, Е.З.Басина, В.Э.Бойков, Э.Бьюэлл, К.Гирц,

Г.Г.Дилигенский, А.А.Зиновьев, А.Б.Зубов, М.Ильин, Дж.Кен, А.П.Кочетков, А.Кулик, М.Кэлдор, А.В.Леденева, А.В.Одинцова, С.Н.Пшизова, Ю.М.Резник, В.Г.Скочилова, В.Согрин, П.Сорокин, Ж.Т.Тощенко, Дж.Уилсон, Д.Харви, О.В.Хархордин, А.Д.Хлопин, Н.Шматко, П.Штомпка.

В области эмпирической социологии проблема идеологических процессов в современном российском обществе разрабатывается социологами РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, ведущими постоянный мониторинг российского общественного сознания, в том числе, на предмет отношения россиян к политической системе страны. Таким же зондированием идеологических настроений российского общества занимаются и известные социологические службы страны – ВЦИОМ, «Левада-центр», РОМИР, ФОМ, – социологический материал которых, представляет, вместе с научной литературой в области теоретической социологии, несомненную ценность для диссертационного исследования данной темы.

В определенной мере идеологические процессы изучаются в исследованиях электорального сознания и поведения россиян в периоды выборных кампаний. Однако этого явно недостаточно. Вне поля зрения остается ценностное отношение населения к политическому режиму, к реализации конституционных прав граждан, к политическим свободам и т.д.

Фактически тема формирования и развития идеологических процессов в современном российском обществе находится на периферии социологических и политологических исследований. Отсутствуют публикации, раскрывающие сущность и современные формы

идеологических отношений как особого вида общественных отношений. Весьма мало работ посвящено типологизации идеологических установок политических партий и движений. Слабо разработана проблематика формирования ценностной структуры политического сознания в современном российском обществе.

Ослабление внимания научной общественности к изучению идеологических процессов обусловлено укоренившимися представлениями о том, будто современная политическая система не нуждается ни в каком идеологическом обеспечении, поскольку вооруженное компьютерными информационно-коммуникационными технологиями гражданское общество уже вырвалось из регламентирующего его «коридора» официальной идеологии, и политическая система должна искать новые, неидеологические, взаимоотношения с обществом. На самом деле такая оценка современной идеологической ситуации представляется ошибочной.

Цель диссертационного исследования – выявление состояния и тенденций идеологических процессов в современном российском обществе в контексте модернизации его политической системы.

Для достижения указанной цели решены следующие задачи исследования:

- уточнено понятие «идеология» в современном обществе;
- выявлена эволюция становления многопартийности в Российской Федерации;
- определены доминирующие ценностные ориентации в массовом политическом сознании переходного (постсоветского) российского общества;

- разработана социологическая модель влияния идеологических процессов на функционирование российских политических институтов;

- предложены способы оптимизации влияния идеологических процессов на модернизацию политической системы в России.

Объект исследования – идеологические процессы в современном российском обществе.

Предмет исследования – эволюция идеологических воззрений в массовом политическом сознании постсоветской России.

Теоретико-методологическая база исследования включает:

- системный подход: рассмотрение идеологического процесса внутри социально-политической системы и, шире - общественной системы с учетом формирования новой мировой парадигмы общественного развития в связи с социально-организационной революцией, вызванной компьютерными информационно-коммуникационными технологиями;

- институциональный подход: исследование идеологического процесса в рамках современной политико-институциональной динамики – перехода в мире к новой институциональной демократии, связанной с формированием институтов информационного общества;

- междисциплинарный подход, сочетающий социологический, историко-социологический, политологический, социально-психологический и социально-философский анализ предмета диссертации.

Эмпирическую и документальную базу диссертации составили:

1. Результаты социологических исследований, проведенных Социологическим центром РАГС – РАНХиГС при Президенте Российской Федерации с участием автора в 2009-2011 годах (руководитель – д.ф.н. профессор В.Э.Бойков) по темам:

«Социально-политические ценности в массовом сознании российского общества» (2009 г.) и «Социальные и политические ценности в историческом сознании российского общества» (2011 г.).

В исследовании проблем социально-политических ценностей в массовом сознании российского общества единицей наблюдения являлись респонденты, представляющие население России в возрасте от 18 лет и старше. Выборочная совокупность опрошенных отражает доли населения, проживающего в центрах субъектов РФ, в средних, малых и сельских населенных пунктах. Обследование проводилось в 24 субъектах РФ, представляющих все экономико-географические зоны страны. Объем выборочной совокупности респондентов – 2400 человек.

В исследовании проблем социальных и политических ценностей в историческом сознании российского общества опрошены 1600 человек в возрасте 18 лет и старше в 21 субъекте Российской Федерации по репрезентативной общероссийской выборке.

2. Результаты вторичного анализа материалов социологических исследований идеологических процессов, проведенных исследовательскими организациями ВЦИОМ, «Левада-центр», ФОМ.

3. Законодательные и нормативные правовые акты органов государственной власти федерального уровня по исследуемой теме.

4. Материалы Мирового политического форума в Ярославле (сентябрь 2010 г.), Государственного совета по вопросам развития политической системы России (22 января 2010 г.), докладов Общественной палаты Российской Федерации о состоянии гражданского общества в Российской Федерации и др.

5. Аналитические статьи по исследуемой теме, опубликованные в журналах «Социологические исследования», «Государственная служба», «Социология власти» за 1997-2011 годы, Pro et Contra, в сборниках научных трудов Института современного развития (ИНСОР), Московского Центра Карнеги.

Основная гипотеза диссертации: растущее социальное расслоение в российском обществе объективно обуславливает дифференциацию идеологических воззрений в массовом сознании и усиливает их влияние на политические отношения.

Если указанная гипотеза верна, то обнаружится тесная связь между социальным положением различных групп населения и доминирующими в их сознании идеологическими ценностями, что в свою очередь проявится в формах политического участия представителей этих социальных групп – гражданском волеизъявлении на выборах, акциях протеста, отношении к государственной политике и т.д.

Основные научные результаты, полученные лично автором, и их научная новизна

1. Операционализировано понятие «идеология» – которое в социологическом плане рассматривается как совокупность идей и представлений, тесно связанных с интересами социальных групп и индивидов, обуславливающих восприятие ими социальной реальности и определяющих политическое поведение.

2. Обоснована необходимость диалога общества и власти об идеологии общественного развития, механизмом воспроизведения которой, должна быть политическая система. Иначе – при отказе политической системы от своего идеологического обеспечения – общество

и власть ждет взаимное отчуждение, опасное развитием конфликтных ситуаций, когда у власти не получается контролировать общество в попытках чисто административного контроля, а общество все больше укрепляется в идее своего контроля над властью.

3. Выявлены особенности становления в постсоветской России многопартийной системы – не как формирование институциональной демократии – институтов идеологического обмена (диалога) между обществом и властью, но как создание официальной многопартийной системы (ОМПС), или, иначе, демократии, основанной на политических технологиях (ДПТ) в качестве инструмента административного контроля власти над обществом.

4. Показано, что построение в России неидеологической политической системы с ядром в ОМПС-ДПТ, возможно, не имело альтернативы в постсоветских условиях – было в 1990-х годах оптимальным путем введения страны в демократию. Приведены социологические свидетельства конформизма – т.е. аполитичности – российского массового сознания 1990-х годов. Именно эту – конформистскую – реакцию на постсоветский политический процесс и демонстрирует во всех социологических замерах российское общество 1990-х годов, отказывая в авторитете партиям от общества (не вошедшим в указанную систему) и признавая авторитет партий от власти (представляющих ОМПС-ДПТ). Конформистское общество – аполитичное, оно выбирает не партийную идеологию, а партию от власти, притом, что не доверяет ни одному политическому институту. Поэтому укрепление в России указанной системы вместо институциональной демократии было,

скорее всего, предрешено – ментальным состоянием российского общества.

5. Предложена социологическая модель функционирования российских политических институтов, из которой следует, что созданные в России политические институты в рамках политической системы с ядром в ОМПС-ДПТ были оправданы - например, до 2001 года – лишь как промежуточные институты, призванные ввести страну в институциональный демократический процесс. Однако в России произошла консервация ОМПС-ДПТ – т.е. консервация опасного для социума отсутствия идеологического обмена (диалога) между обществом и властью, поскольку российская политическая система задумана как инструмент административного контроля власти над обществом. А это – инструмент взаимного отчуждения общества и власти.

6. Обоснованы социологические характеристики идеологического облика современного (образца 2005-2011 годов) российского общества: деидеологизированность российской политической системы; отсутствие конструктивного идеологического обмена (диалога) власти с обществом, что ограничивает возможность выстраивания единых институциональных правил жизни; произвольность функционирования российской политической системы и чревато формированием протестных настроений у больших масс населения.

7. Сформулированы задачи российской политической модернизации, связанные с такими преобразованиями политической системы, которые бы перевели российскую власть в режим устойчивого идеологического обмена (диалога) с обществом. В первую очередь к ним

относятся «перезапуск» механизмов политической конкуренции и формирование нормальной многопартийной системы.

Положения, выносимые на защиту:

- о росте значения официальной идеологии в современном обществе, призванной поддерживать идеологический обмен (диалог) между обществом и властью в условиях информационного общества, раскрепостившего человеческую коммуникацию и, соответственно, понизившего влияние традиционных политических институтов;

- о сформированности в постсоветской России особой политической системы с ядром в «официальной многопартийной системе» (ОМПС), задуманной как инструмент административного контроля власти над обществом;

- о неидеологическом характере российской политической системы, оправданном для нее лишь как для системы промежуточных, неокончательных институтов – конформизмом российского общества периода создания системы;

- о консервации российской политической системы, превращении ее в систему окончательных институтов как ошибочном, тупиковом пути развития политического процесса в стране – пути роста взаимного отчуждения общества и власти;

- о российской политической системе, самоустранившейся от идеологического обмена (диалога) с обществом и, поэтому, работающей как механизм воспроизведения ситуации «игры без правил» и для общества и для власти, что нетерпимо для общества и опасно для власти;

- об императиве политической модернизации в России как альтернативе революционному развитию ситуации.

Достоверность и надежность полученных результатов обеспечена применением обоснованных теоретико-методологических принципов социологического анализа исследуемой проблемы, репрезентативностью эмпирических исследований, научно обоснованной методикой сбора и интерпретации научной информации, логичной и доказательной базой построения выводов, успешной апробацией диссертационного исследования.

Теоретическая и практическая значимость диссертации.

Ключевые теоретические положения диссертации, отличающиеся новизной и, возможно, спорностью, могут стать предметом дальнейшего исследования в теоретической социологии и политологии, а также – использоваться при подготовке соответствующих образовательных курсов. Прикладные результаты и практические рекомендации диссертации, например, касающиеся таких вопросов, как взаимное отчуждение в России общества и власти, политическая модернизация как альтернатива революции и т.п., могут привлечь внимание представителей российского политического класса и тех «простых россиян», которым безразличны перспективы страны в XXI веке.

Апробация результатов исследования.

Диссертация была обсуждена и рекомендована к защите на заседании кафедры социологии управления РАНХиГС при Президенте Российской Федерации.

Основные выводы и отдельные положения проведенного диссертантом исследования, апробированы в ряде выступлений на межвузовских конференциях, научных сессиях и «круглых столах»: «20-

летие Социологического центра и журнала «Социология власти» РАГС при Президенте Российской Федерации (октябрь 2009 г.), «Историческая память в российском обществе: состояние и проблемы формирования» (июнь 2010 г.), «Социология и власть» (ноябрь 2010 г.).

По теме диссертации опубликовано 3 работы общим объемом 1,5 п.л. в изданиях по перечню ВАК.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, двух глав, 6 параграфов, заключения и списка использованной литературы.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновываются актуальность темы исследования, новизна, теоретическая и практическая значимость исследования, формулируются объект, предмет, цель, задачи и основная гипотеза исследования, описываются методология и степень научной разработанности темы исследования.

В главе 1 «Теоретико-методологическая модель идеологических процессов в современном обществе и идеологическое становление постсоветской России» определяется понятие «идеология в современном обществе» (в параграфе 1.1.), проводится историко-социологический анализ становления многопартийности в постсоветской России (в параграфе 1.2.), выявляется динамика ценностных ориентаций переходного (постсоветского) российского общества (в параграфе 1.3.).

Параграф 1.1. «Идеология в современном обществе: определение понятия».

Как известно, смысловое понятие «идеология» менялось неоднократно и радикальным образом. Этот термин, изобретателем которого был французский ученый А.Дестют де Траси, изначально был введен в оборот для обозначения отрасли знания, которая должна была исследовать происхождение и циркуляцию социально значимых идей в общественном сознании.

В дальнейшем идеология трактовалась в самых разных смыслах — как ложное (то есть антинаучное) и, напротив, как научное сознание; как один из неотъемлемых компонентов общественного сознания и как форма нормативного сознания и т.д.

Ряд видных ученых, в том числе социологи в конце XX столетия предрекали полный закат идеологии, утрату ею мобилизующих и иных функций. Этого на самом деле не произошло.

В истории развития человечества идеологию неоднократно использовали в целях политической мобилизации социальных классов и народов. Известны и противоположные факты, когда, например, в период «холодной войны» идеология использовалась для решения задач деморализации общества.

В современной конституции Российской Федерации зафиксирован отказ от какой-либо государственной идеологии. Однако едва ли феномен идеологии можно упразднить правовыми или административными способами.

Видный теоретик науки М.Поланьи показал, что человек — идеологическое (предвзятое) существо в принципе, по самому механизму своего сознания-мышления. Этот действующий в индивидуальной родовой механизм разворачивает в «объективное знание» ценную для данного

индивида идею. Человек обречен «делать идеологию» и в политике, и в науке, и в обыденном сознании. Поэтому в обществе не может быть никакого «конца идеологии», провозглашенного в XX веке под лозунгом «наука вместо идеологии» некоторыми философами, впечатленными научно-техническим развитием и поспешившими объявить вытеснение идеологического (ценностного) сознания технократическим сознанием.

Ключевой термин в теоретическом определении феномена идеологии – «ценности». Идеология как самостоятельный род знания представляет воплощение принятых в обществе ценностей. Социальные ценности меняются исторически и от культуры к культуре, поэтому и воплощающие их идеологии – «переменные величины». Притом, что плюрализм идеологической культуры проявляется не только для социально конструктивных, но и социально деструктивных ценностей, иначе человечество не знало бы радикальных идеологий левого и правого толка – расизма, фашизма, нацизма, классовой диктатуры.

Вместе с тем, определение идеологии как знания не раскрывает ее специфику, состоящую в том, что идеология, в отличие от науки, отражает объективные политические интересы больших социальных групп. Большие социальные группы (классы) имеют разные политические интересы, и потому в обществе существуют разные идеологии – левые, правые, либеральные, радикальные, – политически структурирующие общество с помощью соответствующих партий. Таков механизм формирования гражданского общества – организованной (идеологиями-партиями) силы, способной контролировать государственную власть для защиты базовых общественных интересов. В этом и заключается общественная миссия идеологии – выступающей ключевым элементом механизма гражданского

общества. Идеологический феномен, поскольку он отражает базовые общественные интересы, прочно связан с гражданским обществом, политической демократией и чужероден автократии. Не важно, насколько идеологии «правильны» - важен сам их плюрализм как «голоса» общества.

Нормальные идеологические процессы в социально неоднородном обществе могут реализоваться только через строительство многопартийной системы, которая воспринимает и артикулирует содержащиеся в обществе идеологии, превращая их в инструмент политической (электоральной) стратификации общества. Альтернативного механизма общественной работы идеологий не существует.

Между тем, на рубеже XX-XXI веков в связи с процессами глобализации изменилась мировая парадигма гражданского общества. Компьютерные информационно-коммуникационные технологии (КИКТ) породили беспрецедентный феномен глобального по своей сути информационного общества. Благодаря КИКТ, человеческая коммуникация во многом освободилась от налагаемых на нее организационных, в том числе государственных, регламентов, и гражданскому обществу стали тесны рамки традиционной демократии. Сегодня требуется новый общественный договор, расширяющий права гражданского общества.

Соответственно, изменения ожидают и многопартийную систему. Формирование институциональной демократии XXI века предусматривает не только не ослабление, но, напротив, усиление идеологической работы партий, иначе они, и так потесненные в созданной глобализацией среде неофициальной демократии, утратят в обществе всякое влияние, и тогда произойдет разрыв между обществом и государственной властью.

Параграф 1.2. «Становление многопартийности в Российской Федерации: историко-социологический анализ». Российская специфика строительства многопартийной системы состояла в том, что идеологическая дифференциация партий и общества лишь проявилась, но развития не получила. В обществе, прочно усвоившем советский урок, что партия может быть только «партией власти» – чем-то вроде КПСС, должен был, с одной стороны, развиваться нигилизм в отношении партийного строительства, а с другой – проявиться конформизм к системе, которая бы сумела в новых условиях повторить советский опыт государства-партии.

Действительно, в России формирование многопартийной системы достаточно быстро вошло в русло построения системы «партии власти» – когда некоторое число партий, подобно планетным спутникам, притягиваются к «главной» партии, и так создается официальная («вертикальная») многопартийная система (ОМПС). При этом: попавшие в ОМПС партии обеспечивают себе устойчивое официально-системное существование, а партии, оставшиеся за бортом ОМПС, превращаются в маргиналов и исчезают с политического поля. Партии, составляющие ОМПС, имеют негласное, но твердое обязательство работать на сохранение ОМПС как системы власти, и отсюда – их пренебрежение идеологий. Партийная идеология – инструмент структурирования общества по политическим интересам больших социальных групп, а если партия дорожит своим местом в ОМПС, то ей этот инструмент, обращенный на общество, не нужен.

Таким образом, модель ОМПС – либеральная вариация советской системы государства-партии. В отличие от системы государства-партии, ОМПС, во-первых, многопартийная система и, во-вторых, хотя и отчасти и

неэффективно, но пытающаяся политически структурировать общество уже по самому факту своей многопартийности. Независимо от того, каковы были мотивы российской власти, направившей партийное строительство в русло формирования ОМПС, эта система объективно оказалась оптимальной для России в ее состоянии переходного общества. Готовое к конформизму большинство российского общества в целом приняло ОМПС, но приняло, важно подчеркнуть, без пietetа, как «наименьшее зло», отвергая, что показательно, партии вне ОМПС. Для конформистского сознания, которое уважает «проявление власти», партии вне ОМПС, не располагающие административным ресурсом, представляются заведомо проигравшими и, поэтому, не заслуживающими поддержки.

В России в 1999-2000 годах вполне оформилась официальная многопартийная система (ОМПС), однако выступившая главным элементом не гражданского общества, а механизмом политикотехнологической организации электорального процесса в поддержку действующей власти. ОМПС по сути дела не заинтересована в идеологической структуризации общества, поскольку такая структуризация (действительно общественными партиями) выведет общество из-под влияния ОМПС. И пока ОМПС существует, идеологическое поле российского общества будет оставаться невозделанным, как и – пресекаться появление любой обещающей стать популярной партии от общества.

ОМПС сыграла в 1990-х годах позитивную роль, выступив опорой федерального Центра в условиях практически неуправляемых субъектов Федерации и политически консолидировав российское общество к

выборам 1999 и 2000 годов. ОМПС (уже с «Единой Россией» в качестве главной партии) продолжала играть позитивную роль и после 2000 года – примерно до 2005 года, когда можно было пусть с некоторыми оговорками, но констатировать, что Россия решила задачу национальной социально-политической консолидации и восстановила в стране необходимый уровень управляемости. Однако ОМПС перестала оправдывать себя, поскольку эта система сама никогда не даст старт развитию гражданского общества – своей альтернативе. ОМПС была в России терпима и, возможно, нужна в качестве промежуточного института, но в качестве окончательного института она закрывает стране возможность развития.

Параграф 1.3. «Динамика ценностных ориентаций переходного (постсоветского) российского общества». Воспитанный в СССР конформизм общества стал существенным фактором формирования политической культуры в постсоветской России, и эта политическая культура породила ОМПС.

Конформистская советская и постсоветская ментальность удостоверена многолетними, начиная с 1989 года, систематически проводившимися ВЦИОМ исследованиями советского, а потом и постсоветского российского общества. Российская политическая социология 1990-х годов дает достаточный социологический материал, чтобы убедиться в факте конформистского сознания как «простого россиянина», так и типичного представителя российской системы официальной власти. Конформистское сознание, суть которого – отсутствие собственной политической позиции, должно специфически проявлять себя в периоды смены политических систем. Именно в такие периоды предсказуемым ответом конформистского сознания на потерю им

психологического комфорта в связи с утратой привычной политической системы будет протестная реакция, выражаемая по отношению к новой власти не из идеологических, но чисто эгоистических побуждений. Конформистское сознание «успокоится», как только почувствует внятность, «солидность» новой политической системы. Действительно, мониторинговые социологические обследования российского общества показывали устойчивое, на протяжении всех 1990-х годов, недоверие граждан к «несолидной» политической системе.

Не удивительно неприятие россиянами страны 1990-х годов – именно из-за отсутствия в переходных условиях внятных «правил жизни», а не столько из-за самих жизненных тягот. Конформистское начало в человеке тянет его переложить собственную субъектную ответственность на неких «более сильных» субъектов, которых он уполномочивает создавать для него правила и охотно становится объектом этих правил. Таков – именно конформистский – механизм взаимного отчуждения общества и власти к удовлетворению обеих сторон: власть удовлетворена, поскольку общество не очень надоедает ей своим контролем, а общество удовлетворено, поскольку живет «по правилам».

К началу 2000-х годов общество устало от государственной анемии, отсутствия какого-либо «вектора» страны, что ставило страну в унижительное международное положение, и россияне звали «сильное государство» - именно в смысле государства, способного защитить их гражданское достоинство внутри страны и мире. В декаду же после 2000 года, когда «сильная рука» состоялась, соответственно изменились и настроения в обществе, которое решало уже новую задачу – своего существования по правилам ОМПС. Проблема была в том, что эти правила создавались властью, а не обществом, вырабатывались вне общественного договора, что и заложило неизбежный рост напряжения во

взаимоотношения власти и общества. Неизбежный – потому, что власть, получившая в 1999-2000 годах от общества «карт-бланш», естественно, и не думала после такого «подарка» договариваться с обществом, которому рано или поздно должно было не понравиться пренебрежение его субъектным правом.

Идеологически неструктурированное общество, какое оно есть в современной России, несет постоянную опасность ценностных «возмущений» из-за дефицита обратной связи между властью и обществом. Такой дефицит сам по себе работает на отчуждение власти от общества, поскольку делает управление «слепым», что в свою очередь увеличивает дефицит обратной связи – раскручивается механизм ускорения отчуждения, невозможности возврата к диалогу. К сожалению, в России набрал обороты именно этот механизм – оттого общественное ценностное сознание страны и находится с начала 1990-х годов по настоящее время (с перерывом на период 1999-2004 годов) в «возмущенном» состоянии. Об этом свидетельствуют результаты многолетнего мониторингового исследования «Народ и власть» проведенного Социологическим центром РАГС при Президенте Российской Федерации.

Таблица 1.

**Реакция граждан на действия властей в повседневной жизни
(в % от количества опрошенных)**

	2002 г	2005 г	2007 г	2009 г	2011 г
Обычно одобряют, поддерживают действия властей	10,7	8,7	11,4	15,0	13,5
Обычно вынуждены приспосабливаться	41,0	46,9	37,4	35,8	34,1
Стараются держаться в стороне от властей	28,9	27,2	26,3	30,5	27,1
Относятся к властям с неприязнью и/или с ненавистью	6,5	7,2	3,7	7,3	15,5
Затруднились ответить	12,9	10,0	21,2	11,4	9,8

Треть опрошенных граждан занимают конформистскую позицию по отношению к действиям властей, а треть, вообще, старается держаться в стороне от властей. Подобный механизм – коль скоро он вообще сложился и работает на самосохранение – сломать очень трудно. Но сломать его необходимо – общественное ценностное сознание, не имеющее институционального (в гражданском обществе) «клапана» мирного выпуска накапливаемых ценностных «возмущений», ведет к усилению протестного потенциала.

В главе 2 «Российская модель развития политического (идеологического) процесса» строится социологическая модель особенностей функционирования российских политических институтов (в параграфе 2.1.); проводится социологический анализ идеологического лица современного российского общества (в параграфе 2.2.); определяются степень необходимости и задачи политической модернизации в России (в параграфе 2.3.).

Параграф 2.1. «Особенности функционирования российских политических институтов: социологическая модель».

Очевидно, что общественная миссия политических институтов - политизировать общество для защиты его гражданских прав перед властью. Собственно, само понятие «институт» в строгом смысле означает именно общественное (а не со стороны власти, не персональное) установление. Например, понятие «институт государства» противоположно понятию самовластья, выражаемого известной формулой «государство – это Я». Институциональный процесс, из которого выталкивается общество, перестает быть институциональным

(общественным) процессом и становится делом властно-персональных установлений. В современной России социологи отмечают явные симптомы большого дефицита институционального политического развития. Главный симптом – аполитичность российского общества.

Аполитичный «массовый россиянин» не выбирает из программ и репутаций – он как типичный конформист «прислоняется» к силе власти. Это очевидно по его отношению не только к несистемной оппозиции, которой он, как «штрафнику» власти, неизменно выносит вотум недоверия, но и к ОМПС, «главная» партия которой неизменно выигрывает выборы с большим отрывом от других, располагающих меньшей силой власти «системных» партий. О том, например, наглядно свидетельствует опрос россиян, проведенный непосредственно перед выборами 4 декабря 2011 года.

Таблица 2.

Распределение электоральных предпочтений в канун выборов депутатов государственной думы 4 декабря 2011 г.

Электоральные предпочтения	В % от общего количества опрошенных	В % от намеренных голосовать
Единая Россия	35,3	47,1
КПРФ	13,0	15,7
ЛДПР	7,2	7,0
Справедливая Россия	5,3	6,6
Правое дело	0,5	0,6
Яблоко	1,0	0,9
Патриоты России	0,6	0,7
Другая партия	1,3	0,5
Затруднились ответить	19,5	10,9
Не хочу об этом говорить	16,3	10,0

Как показано в таблице 2, в 2011 году (как и раньше) «главная» партия забирает львиную долю голосов, как и все вместе четыре партии, представляющие ОМПС, – львиную долю голосов в отношении всех партий, допущенных к выборам. Притом, что львиная доля голосов накануне 4 декабря 2011 года принадлежала и тем, кто «затруднился с ответом» и «не хотел об этом говорить». И эти почти 40 (19,5 + 16,3)% «ушедших от ответа» россиян лучше всего демонстрируют скорее конформистскую, чем сознательную политическую мотивацию российского электората, высвечивая истинное (закрывающееся в конформистском общественном сознании) основание странно застойной картины партийных предпочтений российского общества. Именно общественный конформизм санкционирует этот застой, давая простор использованию административного ресурса на выборах. В результате «массовый россиянин» выбирает партии по подсказке власти, не понимая, что такое партии и зачем они нужны обществу.

В этом плане представляют интерес результаты социологического опроса, представленные в таблице 3.

Таблица 3.

**Распределение мнений о возможностях граждан влиять на
власти посредством выборов (в %)**

В период президентства М.С.Горбачева	8,8
В период президентства Б.Н. Ельцина	5,7
В период президентства В.В. Путина	10,6
В настоящее время	10,9
Ни в один из этих периодов	45,1
Затруднились ответить	18,9

В распределении ответов доминирует мнение о невозможности влияния на власти посредством выборов – 45,1% ответивших. Иными словами, явное большинство граждан, страны образца 2011 года, хотело бы иметь в своей стране честные выборы, но не может назвать честными выборы, которые имеет.

Параграф 2.2. «Штрихи социологического портрета идеологии современного российского общества». Сформированная в России политическая система с ядром в ОМПС имеет тот системный изъян, что накапливает потенциал общественного недовольства. Вместе с тем, по всем социологическим замерам, наиболее популярное ожидание «недовольных» россиян от государства, намного опередившее все другие ожидания, – «забота о материальном благополучии граждан». В этом сказывается представление о должном государстве как «благотворительной» власти, когда власть видится справедливой, если она «благотворительна» – в политической сфере, поддерживая гражданское общество и обеспечивая честные выборы, и в экономической сфере, осуществляя через государственный контроль «социальную» экономику. Такое сознание, получая явные свидетельства государственной несправедливости, естественно, не может отказаться от идеала «благотворительного» государства. И отсюда – особенности российского протестного движения. Чем более массовым оно будет становиться, тем больше будет утрачивать какие-то идеологические ориентиры в пользу неидеологической и иллюзорной цели борьбы за «благотворительное» государство. Но это при условии, что российское протестное движение не окажется возглавленным «партией преобразования страны».

В российском массовом сознании «демократия» и «порядок» – не идеологические, а мифологические понятия. Массовый россиянин

воображает порядок в виде политически, экономически и социально «благотворительного» государства – когда гражданину не надо свои права брать (завоевывать), он их просто получает в качестве государственных услуг. Отсюда, как свидетельствуют социологи, весьма слабый запрос российского общества на представительскую демократию, т.е. на собственную политическую активность. Для того, чтобы в российском массовом сознании понятие «демократический порядок» утратило мифологический характер и стало идеологическим понятием, россиянам нужно пожить внутри этого самого «демократического порядка», который на политологическом языке называется институциональной демократией.

Социально-политическая проблема современной России именно в том, что российская политическая система не предложила обществу никакой официальной идеологии. Российское общество лишено институциональных правил – люди, по большому счету, не имеют понятия, в какой системе они живут, не представляют, какие у них права, как и перед кем их надо отстаивать. В этой всеобщей «игре без правил» и происходит то, что происходит, – со стороны власти общество накрывает коррупция и всяческий произвол, а в пределах самого общества разрастается «теневой» сектор экономической деятельности и человеческий капитал убегает из страны.

Насколько россияне озабочены проблемой установления в стране единых (для общества и власти) институциональных правил – не важно, каких, важно, чтобы они были едиными, – свидетельствуют данные опроса 2011 года. (Таблица 4)

Таблица 4.

Распределение мнений о степени важности обеспечить в России равную ответственность должностных лиц и «простых» людей перед законом и судом (в %)

Варианты ответов	
Очень важно	72,4
Скорее важно	19,9
Скорее не важно	2,1
Совсем не важно	0,8
Затруднились ответить	4,8

Идеологический портрет российского общества по всем социологическим замерам говорит власти «нет». И это общественное идеологическое «нет» почему-то упорно не распознается властью как уже пожарный призыв к ней перейти в контактах с обществом с примитивного языка «пряников» на достойный язык идеологии.

Параграф 2.3. «Императив и задачи политической модернизации в России». Российская власть с самого начала формирования новой российской государственности пренебрегала идеологической работой в обществе, российский идеологический процесс оказался полностью отданным общественной стихии. Фатальная ошибка власти, чурающейся обратной связи с обществом, – в допущении, что общество примитивнее политической системы. Допущение – верное, но только в отношении идеальной, теоретической общественной системы, которая, согласно теории систем, чтобы устойчиво воспроизводить себя, должна иметь более сложную, чем она сама, управляющую систему. В реальных же общественных системах управление всегда примитивнее, «хуже» общества – по той простой причине, что в управление попадают не

только не боги и даже не лучшие люди, но, напротив, как правило, люди с низкими человеческими качествами, те, у кого силен «инстинкт власти».

Собственно в этом «отрицательном отборе» во власть и состоит вечная проблема общества, которую и призвана решать институциональная демократия как механизм общественного контроля над властью. В современной же России сама власть создает для себя и для общества тупиковую ситуацию, подменяя единственно эффективный механизм повышения качества власти – механизм институциональной демократии – квазинститутами вроде Общественной палаты и идеи «большого правительства». За подобными политическими технологиями скрывается одно доминирующее стремление власти – не допустить над собой реального общественного контроля.

Политическую модернизацию в России как альтернативу революционному развитию ситуации следовало бы начать с «перезапуска» механизмов политической конкуренции, что собственно не только начнет политическую модернизацию, но и одновременно создаст политическую рамку для развития, углубления модернизации – через открытие каналов общественной мобильности, ослабление бюрократического давления на предпринимателей, запуск механизмов ненасильственного урегулирования конфликтов. Политическая модернизация в России не обойдется без формирования нормальной многопартийной системы, которую придется формировать заново.

Таким образом, политическая модернизация в России предполагает демонтаж ОМПС. Россия должна перейти к механизму выборов – как механизму контроля общества над властью. Лишь тогда выборная власть сможет рассчитывать на свою легитимность.

В **Заключении** подведены итоги диссертационного исследования, сформулированы выводы.

Российская политическая система имеет фундаментальные изъяны. Она функционирует так, что, не вступая с обществом в идеологический диалог за неимением какой-либо официальной идеологии, разрушает фундаментальный механизм взаимоотношений общества и власти. Российская политическая система по самому своему устройству, всеми своими инструментами – квазипартиями (партиями от власти, а не от общества), сознательно, в интересах власти не выполняющими профильную для политических партий задачу структурирования общества по идеологическим интересам его больших групп, «игровым» электоральным процессом – работает на взаимное отчуждение общества и власти.

В современных условиях российская политическая система ради самосохранения сознательно удерживает страну от устойчивого развития, сознательно отказывается от стратегии устойчивого национального развития. В интересах прогресса политическая система России нуждается в существенной модернизации.

Основные положения диссертационного исследования отражены в следующих статьях автора, опубликованных в изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ:

1. Белявский Ю.А. Идеологические разломы в массовом политическом сознании российского общества // Социология власти, 2010. № 2. (0,5 п.л.).
2. Белявский Ю.А. Идеологии политических партий в современной России // Социология власти, 2011. № 1. (0,5 п.л.).
3. Белявский Ю.А. Обращения граждан в изучении идеологических ценностей россиян // Социология власти, 2011. № 4. (0,4 п.л.).

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата социологических наук
Белявского Юрия Александровича

Тема диссертационного исследования:
Идеологические процессы в современном российском обществе
(социологический анализ)

Научный руководитель:
доктор философских наук, профессор
Жовтун Дмитрий Тимофеевич

Изготовление оригинал-макета:
Белявский Юрий Александрович

Подписано в печать 22.03.2012 г. Тираж 80 экз.

Усл. п.л. 1,2.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования «Российская академия
народного хозяйства и государственной службы при Президенте
Российской Федерации»

Отпечатано ОПМТ РАНХиГС. Заказ № 36
119606 Москва пр. Вернадского, 84